

Морской пейзаж с фигурами

Стоял такой теплый сентябрь, что казалось, лету не будет конца. Руаяль-Лез-О, прогулочная аллея длиною в пять миль, обрамленная подстриженными газонами и украшенная трехцветными клумбами шалфея, бурачка и лобелии, которые располагались на определенном расстоянии друг от друга, была вся расцвечена яркими флажками, и веселые разноцветные тенты стройными рядами спускались вниз к линии прибоя, словно рекламно-коммерческие батальоны, построенные для парада на самом большом из северных пляжей Франции. Звуки музыки — один из тех мелодичных вальсов, исполняемых на аккордеоне, — неслись из громкоговорителей, установленных вокруг закрытого бассейна олимпийских стандартов, и время от времени, перекрывая музыкальные трели, мужской голос объявлял по местному радио о том, что свою маму разыскивает Филипп Бертран, семи лет, что Иоланда Лефевр ожидает своих друзей под часами у входа или что некой мадам Дюфор звонят по телефону. С пляжа, вернее, с трех площадок для игр под названиями «Радости жизни», «Гелио» и «Лазурная», доносились детские голоса, которые то усиливались, то затихали в зависимости от накала страстей, а еще дальше, на затвердевшем песке,

оставленном отступившим теперь от берега морем, инструктор по физическому воспитанию подавал команды свистком группе подростков, заканчивавших курс своих ежедневных занятий.

Все это составляло один из тех прекрасных и простеньких морских пейзажей, которыми так славится побережье Бретани и Пикардии: это они служили объектами вдохновения Будена, Тиссо, Моне, художников, запечатлевших их, — с тех пор, как лет сто назад или поболее того появилось само понятие «пляж» и вошли в моду морские купания.

Джеймсу Бонду, сидевшему в одном из пляжных бетонных закутков, подставив лицо лучам заходящего солнца, во всем этом мерещилось нечто печальное и неуловимо прошедшее. На память приходили яркие картинки детства — ощущение бархатного прикосновения теплого мелкого песка, колющий наждак мокрых песчинок, попавших между пальцами ног, когда пришло время натянуть носки и обуться, кучка редкостных морских ракушек и всякая всячина, выброшенная морем на берег, подобранная им и разложенная на подоконнике в спальне («Нет-нет, милый мой, нам придется все это оставить, ты перепачкаешь весь чемодан!»), крошечные крабики, разбегающиеся в разные стороны от прикосновения беспокойных детских ручонок, нащупывающих морские водоросли в каменистых заводях, и опять — море, море, в котором можно плескаться без конца, покачиваясь на танцующих волнах, которые в те времена, казалось, всегда были освещены солнцем, и, наконец, неизбежная, вызывающая раздражение фраза: «Пора выходить из воды». Все это было, было с ним в дет-

стве и теперь проносилось в мыслях, заставляя взглянуть на окружающие предметы по-иному. Как быстро пролетели беззаботные дни, когда он мог играть в песочек! Как далеко он ушел от того веснушчатого мальчишки, обожавшего шоколадные хлопья кондитерской компании «Кэдбери» и пенящийся лимонад! Бонд нервно закурил сигарету, расправил сгорбленные плечи и решительно задвинул непрощенные сентиментальные воспоминания в самый дальний уголок памяти. Он давно стал взрослым, он — человек, обремененный годами неприятного и опасного опыта, он — тайный агент. Он сидит здесь, в этом бетонном укрытии, не для того, чтобы предаваться сентиментальным воспоминаниям о каких-то там малышах-замарашках, копошащихся на пляже, где тут и там валяются крышки от бутылок и палочки от леденцов, а кромка прибоа, лоснящегося от кремов для загара, обезображена еще и стоками реки Руаяль. Он здесь потому, что так нужно, он работает, ведет наблюдение. Он следит за одной особой.

Солнце опускалось все ниже. Уже можно было ощутить прохладное дыхание сентября, которое днем не чувствовалось из-за жары. Группы купающихся спешно покидали пляж, когортами снимались они со своих биваков и заливали ступени лестницы, ведущей наверх, к прогулочной аллее, по которой они попадали в город, где кафе уже зажигали свои огни. У плавательного бассейна в громкоговорителе надоедливо звучала одна и та же фраза, произносимая на французском: «Внимание! Внимание! Через десять минут бассейн закрывается. После 18.00 бассейн не работает». На фоне за-

ходящего солнца две спасательные лодки типа «Бомбар», идущие под флагами, на которых изображен синий крест на желтом поле, быстро уходили в северном направлении — к своей дальней стоянке в верховьях реки, в Старом порту. Последняя из разноцветных, похожих на жирафа «песчаных яхт», подгоняемая ветром, катилась к отдаленной кромке прибоя — к месту стоянки среди песчаных дюн, и три служителя со стоянки машин спешили на своих велосипедах среди редеющих рядов автомобилей в сторону полицейского участка в центре города. За считанные минуты огромное песчаное пространство — вода, все еще отступавшая, была уже на расстоянии мили — превратится в царство чаек, которые слетятся сюда стаями, привлеченные остатками пищи, что бросили, уходя, любители пикников. Затем оранжевый шар солнца опустится в море, и пляж на некоторое время станет совсем пустым — лишь под покровом темноты скользнут к морю влюбленные парочки, чтобы безбоязненно предаться любви в укромных уголках между кабинками для переодевания и волнорезом.

На протоптанной в песке тропке, ниже того места, где сидел Джеймс Бонд, две загорелые девушки в чересчур откровенных бикини сложили принадлежности для игры «Джокери», которой они так азартно, вызывающе занимались до этого, и устремились наперегонки к ступенькам, ведущим к укрытию, где находился Бонд. Они порисовались перед ним, выставляя напоказ свои тела, остановились, поболтали немного, чтобы увидеть, как он будет реагировать, и когда устали ждать, то, взявшись за руки, не спеша направились к городу, ос-

тавив Бонда в размышлениях о том, почему именно у французских девушек, и ни у каких других, такие выпуклые пупки. Не оттого ли это, что французские хирурги в момент появления девочек-младенцев на свет стремятся внести свою лепту в их будущую сексуальную привлекательность?

И вот уже вдоль пляжа стали ходить спасатели и подавать в свои свистки сигнал-отбой, предупреждая, что они заканчивают работу; музыка, доносившаяся со стороны бассейна, оборвалась на ползвучке, и огромное песчаное пространство вдруг вымерло.

Впрочем, не совсем так! В сотне ярдов в стороне, на купальном халате в черно-белую полоску, лицом вниз, распластав руки, лежала девушка; она устроилась здесь с час назад, утрамбовав песок, соорудила себе нечто вроде частных владений и затихла на этой площадке совершенно неподвижно как раз между Джеймсом Бондом и заходящим солнцем, которое теперь окрашивало покинутый всеми бассейн и мелкие ручейки в кроваво-красный цвет, делая их похожими, если приглядеться, на ветвистые каракули. Бонд продолжал наблюдать за девушкой — теперь уже в полной тишине и безлюдье — с несколько бóльшим напряжением. Он ждал, когда она сделает что-нибудь, ждал, когда что-нибудь — он не знал что — случится. Вернее было бы сказать, что он караулил ее, — инстинкт подсказывал ему, что девушке угрожает что-то. Или это просто чувство опасности, которая витает в воздухе? Точно сказать он не мог. Уверен был лишь в том, что не должен оставлять ее одну, особенно теперь, когда все ушли.

Джеймс Бонд ошибался. Ушли еще не все. Позади него, у «Кафе-де-ля-пляж», на другой стороне прогулочной аллеи, у отдельного столика подле самого тротуара, сидели двое мужчин в плащах и темных кепках. Перед ними стояли наполовину пустые чашечки с кофе, друг с другом они не разговаривали. Они сидели и следили за размытым силуэтом — голова и плечи, — маячившим на фоне перегородки из матового стекла, которая отгораживала место, где расположился Бонд. Они также вели наблюдение, хотя и не столь пристальное, за белым пятном на песке, там, где в отдалении лежала девушка. Неподвижность этих двух типов и неуместность их гардероба, выбранного не по сезону, произвели бы неприятное впечатление на любого, кто, в свою очередь, стал бы наблюдать за ними со стороны. Но за ними никто не следил, за исключением официанта, который решил, что с этими парнями лучше не связываться, и теперь не чаял, как от них избавиться.

Как только нижний край оранжевого солнца коснулся моря, девушка встрепенулась, как по сигналу. Она медленно поднялась на ноги, провела обеими руками по волосам, откидывая их со лба, и целеустремленно, равномерно пошла навстречу солнцу и отдаленной пенящейся кромке воды, находившейся за милю от нее. К тому моменту, когда она могла приблизиться к отступившему морю, спустились бы уже лиловые сумерки; естественно было предположить, что это последний день ее отдыха и, вероятно, последнее купание.

Но Джеймс Бонд думал иначе. Он покинул свое укрытие, сбежал вниз по лестнице к песку и быст-

ро зашагал вслед за ней. Двое в плащах, там, сзади Бонда, за прогулочной аллеей, казалось, тоже думали иначе. Один из них поспешно бросил на стол несколько монет, оба поднялись и, шагая в ногу, пересекли аллею, направляясь к пляжу. С некоторой поспешной, военной четкостью они двинулись параллельно следам, оставленным Бондом.

Теперь необычное расположение фигур на обширном пространстве песка, покрытого полосами кровавого цвета, явно казалось жутковатым. Лучше бы сейчас оказаться подальше от этого места! Что-то скверное и непонятное угадывалось в кавалькаде. Девушка в белом, молодой мужчина с обнаженной головой, двое коренастых, печатающих шаг преследователей — в этом было что-то от страшных историй, рассказываемых на ночь. В кафе официант собрал монеты и посмотрел вслед удаляющимся фигурам, все еще четко очерченным на диске почти скрывающегося за горизонтом оранжевого солнца. Было похоже, что пахнет уголовщиной — или того хуже. Лучше держать язык за зубами, но все-таки запомнить, как все происходило. А вдруг его имя появится в газетах!

Джеймс Бонд быстро догонял девушку. Теперь ему было ясно, что он поравняется с ней у самой кромки воды. Он начал соображать, что скажет ей, как все объяснит. Не мог же он выпалить: «У меня есть предчувствие, что вы собираетесь покончить жизнь самоубийством, вот почему я бросился за вами, хотел остановить». Или: «Я разгуливал по пляжу, и мне показалось, что мы знакомы. Не пойти ли нам куда-нибудь после купания?» Нет, это уж очень наивно. Наконец он решил, что просто

скажет: «О, Трейси! — а потом, когда она обернется: — Я волновался за вас». Это, по крайней мере, прозвучит безобидно и будет соответствовать действительности.

Море отливало сталью на фоне лимонного горизонта. Слабый западный ветер с берега, уносящий нагретый воздух в море, усиливался и увеличивал рябь, которая белыми бурунчиками уходила далеко вперед. Стаи серебристых чаек лениво поднимались в воздух при приближении девушки и тут же снова садились, и воздух был полон их криков и бесконечных ударов небольших волн. Мягкие синие сумерки добавляли меланхоличности безлюдному песчанику и морю, таким далеким теперь от уютных ярких огней и праздничной суеты Королевы Опалового Берега, как блестяще окрестили аллею Руаяль-Лез-О. Бонду очень хотелось вернуть девушку к этим ярким огням. Он следил за стройной золотистой фигурой в белом купальнике и размышлял о том, когда же она сможет услышать его голос за шумом чаек и моря. Она чуть замедлила шаг по мере приближения к кромке воды, голова ее с ниспадающими на плечи роскошными светлыми волосами была слегка опущена, возможно, в задумчивости или от усталости.

Бонд ускорил движение и оказался шагах в десяти от нее.

— Добрый вечер, Трейси.

Девушка не вздрогнула и не оглянулась. Она словно споткнулась и остановилась, а потом, когда небольшая волна запенилась и замерла у ее ног, медленно повернулась навстречу Бонду. Ее глаза,

затуманенные слезами, смотрели мимо него. Потом она взглянула ему в лицо и вяло спросила:

— В чем дело? Чего вы хотите?

— Я волновался за вас. Что вы здесь делаете? Что случилось?

Девушка опять посмотрела на него. Она вскинула сжатую в кулачок руку ко рту. Она что-то сказала, но Бонд не мог разобрать что. А потом за спиной Бонда раздался мягкий вкрадчивый голос:

— Не двигаться, если жизнь дорога.

Бонд резко обернулся, пригнувшись, рука уже потянулась к оружию, спрятанному под пиджаком. Два дула автоматических пистолетов, как два неподвижных серебристых глаза, насмешливо уставились на него.

Бонд медленно выпрямился. Он опустил руки по швам и с тихим свистом выпустил сквозь зубы задержанное дыхание. Два каменных, как у истуканов, лица профессионалов сказали ему даже больше, чем два серебристых глаза пистолетов. На этих лицах нельзя было прочесть ни напряжения, ни волнения. Слабые полуулыбки выражали спокойствие и удовлетворение. В глазах не было и тени настороженности — скорее равнодушие. Бонд смотрел в такие глаза множество раз. В них не было ничего нового. Эти люди — убийцы, профессиональные убийцы.

Бонд не имел ни малейшего представления, кем могли быть эти люди, на кого они работали и что все это значило. В теории выходило, что его тревога — лишь предчувствие еще большей беды; он сознательно расслабил мышцы и выбросил все вопросы из головы. Он стоял и ждал.

— Руки за голову. — Вкрадчивый настойчивый голос выдавал уроженца юга, человека с берегов Средиземного моря. Голос соответствовал внешности мужчин — грубая пористая кожа, желто-коричневые лица. Возможно, они родом из Марселя или итальянцы. Мафия? Лица эти могли принадлежать добропорядочным тайным агентам или закоренелым преступникам. Мозг Бонда заработал, словно компьютер фирмы «Ай-би-эм», отыскивающий нужную информацию. На территорию какого противника он вторгся? Может быть, это Блофельд? Не превратился ли он из охотника в добычу?

Когда шансов нет, когда не находишь выхода, надо обязательно успокоиться, показать свое превосходство или, по крайней мере, безразличие. Бонд улыбнулся прямо в лицо говорившего с ним мужчины:

— Вот бы мать твоя обрадовалась, узнав, как сыночек проводит сегодняшний вечерок. Ведь ты католик? Ну что ж, я сделаю так, как ты просишь.

Мужчина сверкнул глазами. Попал! Бонд заложил руки за голову.

Один из них отошел в сторону, так, чтобы расширить сектор обстрела, а его сообщник вынул из мягкой кожаной кобуры на брючном ремне Бонда его «вальтер ППК» и со знанием дела обыскал Бонда сверху донизу — сначала по бокам, потом руки от плеч до запястьев и ноги от паха вниз изнутри. Затем «второй номер» отошел назад, положил «вальтер» в карман и достал свое оружие.

Бонд бросил взгляд через плечо. Девушка не произнесла ни слова, не выразила ни удивления, ни тревоги. Теперь она стояла спиной к ним, глядя

в море, явно расслабившись, как будто происходящее совершенно ее не касалось. Что же это происходит? Уж не использовали ли ее в качестве приманки? Но для кого? И что теперь делать? Неужели его убьют здесь и тело выбросит на берег прибоем? Пожалуй, иного не дано. Даже если какая-либо сделка возможна, не могут же они вчетвером просто пройти назад по песку всю эту милю, вернуться в город и пожелать друг другу счастливого пути на ступенях, ведущих к аллее. Нет, это конец. Впрочем, так ли? С севера сквозь темно-синие сумерки послышался захлебывающийся от скорости дребезжащий звук лодочного двигателя, и Бонд увидел сначала бурун у носа судна, а потом и нечеткие еще очертания одной из спасательных лодок типа «Бомбар», надувной резиновой плоскодонки с единственным двигателем «Джонсон» на корме. Их таки заметили! Может быть, заметила береговая охрана? О, вот оно, спасение! Ну уж он покажет этим головорезам, дайте только добраться до полицейского участка в Старом порту! Как же, однако, объяснить историю с девушкой?

Бонд взглянул на мужчин. И сразу же почувствовал что-то неладное. Они закатали брюки до колен и спокойно ждали, держа ботинки в одной руке, а оружие в другой. На чудесное избавление рассчитывать не приходилось. Это продолжение той же серии. Ну и ладно. Не обращая внимания на тех двоих, Бонд наклонился, закатал брюки так же, как они, и, пока возился с носками и ботинками, зажал в руке один из ножей, спрятанных в каблуке, потом, повернувшись вполоборота в сторону лод-

ки, которая уже достигла мели, переложил его в правый карман брюк.

Не было произнесено ни слова. Девушка первой забралась в лодку, за ней Бонд, затем последовали те двое, они же помогли завести мотор на корме. Рулевой, ничем не отличавшийся от простого французского рыбака, промысляющего в глубоких водах, развернул тупой нос спасательной лодки, дал полный вперед, и они поплыли в северном направлении по ударяющим в корму волнам: золотистые волосы девушки развевались за ее спиной и нежно касались щеки Джеймса Бонда.

— Трейси, вы можете простудиться. Вот, накиньте мой пиджак.

Она протянула руку, помогая ему накинуть пиджак ей на плечи. В этот момент руки их соприкоснулись, она пожала его ладонь. Что за черт? Бонд придвинулся ближе и почувствовал ее ответное движение. Он бросил взгляд на тех двоих. Они сидели, сторбившись на ветру, держа руки в карманах, настороженные, но как бы безразличные. Быстро таяла позади, пока не превратилась в золотистое свечение на горизонте, цепочка огней — это был Руаяль. Правой рукой Бонд нащупал в кармане нож, наличие которого несколько успокаивало, и осторожно провел большим пальцем по лезвию, острому как бритва.

Пока он раздумывал о том, как и когда сможет использовать это оружие, подсознательно проигрывал в памяти все, что случилось с ним за прошедшие сутки, стараясь понять, что бы все это могло значить.

Туризм по большому счету

Почти ровно сутки назад Джеймс Бонд острожно вел свою машину, старенький «Континенталь-Бентли» — шасси типа «Р» с мощным шестицилиндровым двигателем и задними ведущими, коэффициент полезного действия 13:40, — на котором он ездил уже три года; он вел машину по скоростной, но однообразной трассе № 1, соединяющей Аббевилль с Монтрё, по пути, которым туристы из Англии возвращаются домой — самолетом компании «Силвер Сити Эрзуэйз» из Ле-Туке или паромом из Болоньи или Кале. Он ехал быстро, но с безопасной скоростью, делая 80—90 миль в час, бросив педаль газа и поставив автомат, который встроен во все машины класса «Ралли», и мысли его были целиком заняты составлением письма о добровольной отставке, об уходе из Секретной службы.

Письмо, адресованное «лично М.», выглядело уже примерно так:

«Сэр, имею честь просить Вас принять мою немедленную отставку из Секретной службы.

Причиной подачи данного прошения, которое я вручаю Вам с большим сожалением, является следующее:

(1) Мои обязанности в службе до прошлого года были связаны с деятельностью Отдела «00», и Вы, сэр, были настолько любезны, что время от времени выражали свое удовлетворение моей работой, от которой и я получал большое удовольствие. Однако, к моему большому огорчению

(Бонду очень понравилось это слово — «огорчению»), после успешного завершения операции «Удар грома» от Вас лично я получил инструкции сосредоточить свои усилия, без указания даты исполнения (еще одна великолепная фраза!), на поисках Эрнста Ставро Блофельда и его задержании вместе с любыми другими членами организации СПЕКТР — Специального исполнительного комитета по контрразведке, терроризму, ответным действиям и принуждению, если эта организация была создана вновь после ее разгрома при завершении операции «Удар грома».

(2) Я неохотно принял, как вы, наверное, помните, это новое назначение. Мне казалось, и я тогда же об этом заявил, что подобная чисто следовательская работа может быть с равным успехом выполнена при помощи обычных полицейских методов другими отделами службы — местными резидентами, союзническими зарубежными секретными службами и Интерполом. Мои возражения были отклонены, и почти год я вынужден был заниматься в разных точках земного шара обычной детективной работой, которая заключалась в проверке любых незначительных слухов, любых возможных версий и ни к чему не привела. Я не обнаружил никаких следов этого человека или возрожденного СПЕКТРа, если он вообще существует.

(3) Мои многочисленные просьбы освободить меня от этой утомительной и бесплодной работы, даже когда я обращался к Вам лично, были либо проигнорированы, либо иногда даже не выслушаны, мои частые уведомления, выдержанные в критическом духе (тоже неплохое выражение), о том,

что Блофельд мертв, расценивались, мягко говоря, недостаточно вежливо. (Ловко! Может, даже слишком ловко!)

(4) Упомянутые выше неблагоприятные обстоятельства достигли своего апогея, когда я выполнял секретное задание (см. Дело R'S PX 437/007) в Палермо, охотясь за неким невероятно вероломным зайчиком. Животное это приняло облик некоего Блоэнфелдера, весьма уважаемого немца, занимающегося виноградарством — в частности, прививками мозельского и сицилийского сортов, дабы увеличить содержание сахара в последнем, который, между прочим, да будет Вам известно (здесь, пожалуй, без соответствующей редакции не обойтись!), может прокисать. Расследование деятельности указанного субъекта обратило на меня внимание мафии, и миссия моя на Сицилии закончилась, мягко выражаясь, бесславно.

(5) Сэр, обращая Ваше внимание на вышеизложенное и в особенности на факт продолжительного использования моих возможностей не по назначению — пусть возможности эти скромны, хотя прежде они позволяли выполнять трудные, а для меня и более интересные задания, связанные с деятельностью Отдела «00», — я нижайше прошу принять мою отставку.

Примите уверения в моем почтении, 007».

Конечно, размышлял Бонд, пока плавно вписывал длинный корпус своей машины в крутой поворот, ему придется переписать большую часть письма. Некоторые места слишком напыщенны, в

двух-трех предложениях надо будет избавиться от сарказма и несколько смягчить тон. Но это было главное из того, что он продиктует своей секретарше, когда послезавтра вернется в офис. А если она разревется, ну и черт с ней! Он так хотел. Ей-богу, хотел. Он был сыт по горло погоней за тенью Блофельда, и уже в зубах у него навяз этот СПЕКТР. Организация была разгромлена, и даже человек такого ума, как Блофельд, если, конечно, предположить невозможное и считать, что он жив, никогда не сможет возродить дело, поставив опять на колеса машину подобного класса.

Произошло это как раз на том участке дороги длиною в десять миль, что проходит через лес. Усиленно сигналила, так что могли лопнуть барабанные перепонки, мимо него промчалась низкая двухместная белого цвета «Лянча-Фламиния-Загато-Спайдер» с опущенным верхом. «Лянча», резко подрезав его, проскочила у самого капота и исчезла на бешеной скорости; призывный звук ее двойной выхлопной трубы эхом откликнулся среди деревьев. За рулем сидела девушка в ярко-малиновом шарфике на голове, шарфик развевался на ветру, стелился изящной красноватой змейкой.

Если и было что-то в жизни Бонда, что могло вывести его из равновесия, не считая «забав» с применением оружия, так это ситуация, когда тебя на большой скорости обгоняет хорошенькая девчушка, а по опыту он знал, что девчушки, носящиеся с такой скоростью, всегда чертовски милы — мимо не пройдешь. Стремительный ураган, только что унесшийся прочь, отключил мозг, сразу вышиб все мысли, заставил перейти на ручное

управление. Растянув губы в улыбке, он до конца прижал к полу педаль газа, заложил крутой вираж и помчался вслед за ней.

На спидометре — сто, сто десять, сто пятнадцать, а он все еще не поравнялся с ней. Бонд нажал красную кнопку на приборной доске. Раздался тонкий пронзительный звук двигателя, больно резанувший слух, и «Бентли» рванулся вперед. Сто двадцать, сто двадцать пять! Теперь он нагонял ее. Пятьдесят ярдов, сорок, тридцать! Он уже видел в зеркале заднего обзора ее глаза. Но хорошая дорога кончилась. Одно из тех предупреждений, которыми французы обозначают опасный участок, мелькнуло справа от него. Впереди, за подъемом, виднелся шпиль церкви, группа домов какой-то деревушки, расположившейся у подножия крутого холма, мелькнул еще один знак, предостерегающий о целой серии поворотов. Обе машины сбавили скорость — девяносто, восемьдесят, семьдесят. Бонд видел, как вспыхивали задние габаритные огни ее машины, как правая рука переключала рычаг передач; сам он почти одновременно делал то же самое. Затем оба они оказались на резком вираже на бульжной мостовой, и ему пришлось притормозить; с завистью следил он за тем, как дионовский ведущий мост ее машины мгновенно адаптировал задние колеса к езде по неровной дороге, в то время как его примитивная механика позволяла чувствовать каждый ухаб и вырывала руль из рук. И вот уже деревья остались позади, идущая впереди машина, вильнув хвостом, вышла из поворота и понеслась по прямой дороге, как будто за ней черти гнались, — он отстал ярдов на пятьдесят.

Гонка продолжалась в том же духе: то Бонд догонял ее по прямой, то отставал ровно на столько же, когда они проезжали через деревни и знаменитая конструкция «Лянчи» помогала ей держать дорогу; машину, надо признать, она вела великолепно и бесстрашно. Наконец показался большой дорожный знак с рекламой компании «Мишелин»: до Монтрё — пять миль, Руаяль-Лез-О — десять, Ле-Туке-Пари-пляж — пятнадцать. Он гадал, куда же она направляется, и уже думал о том, не следует ли ему выкинуть из головы Руаяль и тот вечер, который он собирался провести в тамошнем известном казино, не лучше ли последовать за ней, куда бы она ни свернула, и выяснить, кем же является этот дьявол во плоти.

Однако принять какое-либо решение он так и не успел. Монтрё — город опасный, с кривыми улочками, вымощенными булыжником, интенсивным потоком местных подвижных средств. При въезде в город Бонд был на расстоянии все тех же пятидесяти ярдов от ее машины, но на его большом автомобиле было слишком рискованно лавировать так, как она, и к тому времени, как город остался позади и Бонд выехал на развилку над трассой Этабль — Париж, она уже исчезла. Вот и левый поворот на Руаяль. Вроде бы можно различить на повороте облачко пыли или ему показалось? Бонд повернул — что-то подсказывало ему, что он увидит ее опять. Наклонившись вперед, он вновь нажал на красную кнопку — надрывный звук двигателя замер, в машине стало почти тихо, теперь он ехал ровно, расслабившись. Не загнал ли двигатель? Несмотря на предупреждение предста-

вителя компании «Роллс-Ройс», выдержанное в торжественных выражениях, он установил в машине — вернее, это сделал его любимый механик на автобазе штаб-квартиры Службы — нагнетатель Арно, который был связан с магнитным сцеплением. На «Роллс-Ройсе» сказали, что подшипники коленчатого вала не выдержат перегрузок, и, когда он сознался в уже совершенном проступке, они с сожалением, но весьма решительно лишили его гарантийных прав, отказавшись от своего незаконнорожденного дитя. Сейчас впервые он попробовал ехать со скоростью сто двадцать пять миль в час, и стрелка тахометра колебалась в красной зоне на отметке четыре пятьсот, что было очень рискованно. Но температура и масло были в норме, и никаких вроде посторонних шумов, предупреждающих о поломке. Черт возьми, разве он не получил удовольствие, прокатившись с ветерком!

Джеймс Бонд не спеша ехал через живописный пригород Руаяля, мимо молодых буков и пахучих сосен, предвкушая приятный вечер и предаваясь воспоминаниям о других своих визитах сюда, особенно ему запомнились сражения за зеленым суком с Ле Шиффром — как давно это было. Он много пережил с тех пор, не раз смотрел смерти в глаза, любил разных женщин, но именно поездки в это местечко были всегда полны драматизма и остроты, именно сюда, в Руаяль, влекло его каждый год, сюда — в казино и к крошечному церковному дворику с небольшим гранитным крестом, на котором было начертано — просто и без затей — «Уэспер Линд. Спи спокойно».

Ну а что теперь припасено для него в этом мес-

течке в такой прекрасный сентябрьский вечер? Большой выигрыш? Крупный проигрыш? Какая-нибудь красotka? Может быть — та самая симпатичная девчушка?

Но сперва — игра. Был последний уик-энд перед закрытием сезона. Именно сегодня, в эту субботу, в казино «Руаяль» состоится прощальный вечер. Это всегда событие, туристы приедут даже из Бельгии и Голландии, не говоря о состоятельных постоянных клиентах из Парижа и Лилля. Кроме того, Объединение по обслуживанию туристов морского курорта Руаяль по традиции приглашает всех своих подрядчиков и поставщиков — бесплатное шампанское рекой и разнообразный обильный буфет: необходимо вознаградить жителей города за напряженный труд во время туристского сезона. Это грандиозная попойка, которая никогда не заканчивается раньше утра следующего дня. Столы будут ломиться от яств, а игра пойдет по-крупному.

У Бонда были кое-какие наличные деньги — один миллион франков, старых франков, конечно, то есть что-то около семисот фунтов стерлингов. Он всегда считал свои деньги в старых франках. Так он лучше ощущал весомость имеющегося капитала. С другой стороны, все расходы по службе он подсчитывал в новых франках, потому что тогда они не казались такими большими, хотя вряд ли это его мнение разделял главный бухгалтер в штаб-квартире. Миллион франков! Сегодня вечером — миллионер. Остаться бы им до завтрашнего утра!

Вот он уже въезжает на Променад-дез-Англе, а вот и внушительный фасад отеля «Спленид», выдержанный в имперском стиле. И здесь — какая

удача — на дорожке, изгибающейся дугой, прямо у лестницы стояла маленькая белая «Лянча», и как раз в этот момент носильщик в полосатом жилете и зеленом фартуке нес ко входу в гостиницу два чемодана фирмы «Виттон».

Вот так так!

Джеймс Бонд втиснул свой автомобиль среди других роскошных — на миллион фунтов с лишним — машин на стоянке, сказал тому же носильщику, который теперь вытаскивал из «Лянчи» мелкую, но шикарную кладь, чтобы захватил наверх и его вещи, а сам направился к столу регистрации. Увидев Бонда, администратор поспешно отеснил клерка и приветствовал постоянного клиента широкой улыбкой, обнаружившей все его золотые коронки; администратор уже сообразил, что, оперативно доложив о прибытии Бонда, можно удостоиться похвалы начальника полиции, служебное рвение которого, в свою очередь, отметят, как только он сделает соответствующее сообщение по телетайпу в Париж, во Второе управление и Службу безопасности.

— Кстати, месье Морис, — спросил Бонд, — а кто эта дама, которая только что приехала вон в той белой «Лянче»? Она у вас остановилась?

— Да, конечно, командер. — Бонд увидел еще одну приветливую улыбку, добавившую два новых золотых зуба ко всем прочим. — Эту даму здесь хорошо знают. Ее отец — крупный промышленник с юга. Это графиня Тереза ди Вичензо. Месье, должно быть, читал о ней в газетах. Графиня — настоящая светская дама, она, как бы это выразиться, — улыбка его стала выражать тайну, понятную только

мужчинам, — леди, скажем так, вкушающая все радости жизни.

— Ах так! Благодарю вас. Как прошел сезон?

Малозначительный вежливый разговор продолжался все время, пока администратор лично провожал Бонда до лифта, он поднялся вместе с ним, довел до отведенного номера, выдержанного в серо-белых тонах эпохи Директории, с кроватью под покрывалом темно-розового цвета, которую Бонд так хорошо помнил. Напоследок они еще раз обменялись любезностями, и администратор оставил Бонда одного.

Бонд был слегка раздосадован. Пожалуй, ее титул слишком высок для него, и вообще ему не нравились женщины из разряда, скажем, кинозвезд, потому что они, как ни крути, были все-таки достоянием массовой публики. Ему же по душе женщины, ничем не выдающиеся, женщины, которых он находил сам и которые принадлежали только ему. Возможно, в этом был какой-то внутренний снобизм. А может быть, что того хуже, он считал так потому, что знаменитости всегда менее доступны.

Внесли два его потрепанных чемодана, и он не спеша распаковал их, затем заказал в номер бутылку белого вина «Тейттингер», которое обычно пил, когда бывал в Руаяле. Когда принесли бутылку в серебряном ведерке со льдом, он сразу выпил четверть ее содержимого, а потом отправился в ванную и принял холодный душ, вымыв голову «Эликсиром Пино», наилучшим из всех шампуней, — долой дорожную пыль. Затем он надел летние темно-синие брюки из тонкой шерсти, белую легкую рубашку из хлопчатобумажной ткани, нос-

ки и черные повседневные туфли без шнурков (к шнуркам он питал отвращение), сел у окна, посмотрел на аллею, ведущую к морю, и задумался, где бы ему сегодня поужинать.

Джеймс Бонд не был гурманом. В Англии он питался жареной камбалой, вареными яйцами и холодным ростбифом с картофельным салатом. Но когда оказывался за рубежом, как правило в одиночестве, каждая трапеза становилась приятным событием, которого он с нетерпением ждал, которое призвано было снять напряжение после гонки на автомобиле, когда приходилось то самому идти на риск, то избегать опасности, проскакивая иногда на волосок от гибели, и при этом еще постоянно занимать свои мысли тем, а выдержит ли такие перегрузки его машиненка. На этот раз, однако, совершив длительный вояж от итальянской границы, которую он пересек в местечке Вентимилья, и потратив на дорогу три дня, не ущемляя собственного комфорта (с какой, в самом деле, стати нестись ему сломя голову в штаб-квартиру!), он был уже пресыщен всеми этими приманками для новичков-туристов, любящих поесть. Роскошные рестораны, старые трактиры, живописные забега-ловки — с него достаточно. Он знает цену их кухне и винным погребкам. Он отведал все, на что способны шеф-повара, откушал их фирменные блюда, как правило, подаваемые под чересчур густым соусом из сливок и вина, плюс несколько грибков, дабы скрыть отнюдь не отменное качество мяса или рыбы. У Бонда был особый ритуал смакования — вкушения вина и еды, — хотя при этом ему и приходилось поглощать в огромном количестве

бизодол, способствующий надлежащей работе пившеварительного тракта.

Местное французское чревоугодие отразилось на нем самым неблагоприятным образом прошлым вечером. Желая избежать остановки в Орлеане, он выбрал тихое местечко к югу от этого негостеприимного города, где нашел небольшую гостиницу, стилизованную под бретонский постоялый двор и располагавшуюся на южном берегу Луары. Несмотря на то что гостиница утопала в цветах, выставленных на подоконниках, и вся была выложена бутафорскими бревнами, не обращая внимания на фарфорового котика, охотившегося за фарфоровой птичкой на остроконечной крыше, Бонд остановился здесь просто потому, что трактир находился прямо на берегу Луары, возможно, самой любимой им реки в мире. Он стоически старался не замечать висящих по стенам кованых медных сковородок, разных латунных кухонных принадлежностей и другой древней атрибутики, заполнявшей весь вестибюль; он оставил вещи в номере и с удовольствием отправился на прогулку вдоль берега плавно текущей реки, над которой носились ласточки. Вид столовой, где он оказался вместе с горсткой туристов, вызывал тревогу. Над электрическими поленьями и с блеском начищенным каминным прибором висел щит с гербом из пластика, на котором было начертано нечто ужасное: «Ледяная сладкая Франция». На всех тарелках кошмарного местного производства красовалась рифмованная фраза, смысл которой было нелегко уловить: «Не где-то там и вообще, а именно здесь и в вине». Угрюмый (так как подошел уже конец се-

Оглавление

Глава 1. Морской пейзаж с фигурами	5
Глава 2. Туризм по большому счету	17
Глава 3. Позорный гамбит	30
Глава 4. Все кошки серые	44
Глава 5. Глава Корсиканского союза	56
Глава 6. Бонд с Бонд-стрит?	72
Глава 7. Лошадь с изъяном	84
Глава 8. Причудливая «крыша»	98
Глава 9. Ирма — да не та	109
Глава 10. Роскошные девчушки	123
Глава 11. Смерть на завтрак	139
Глава 12. Две почти роковые ошибки	154
Глава 13. Принцесса Руби?	168
Глава 14. Сладкие сны — сладкие кошмары!	182
Глава 15. Становится жарко	195
Глава 16. Только под гору	209
Глава 17. Кровь на снегу	221
Глава 18. На развилке налево — и в преисподнюю	234
Глава 19. Любовь на завтрак	244
Глава 20. С М. на одной ноге	250
Глава 21. Сотрудник министерства сельского хозяйства и рыболовства	263
Глава 22. Нечто под названием БВ	276
Глава 23. Сигареты «Галуаз» и чеснок	289
Глава 24. Кровь доставляют по воздуху	303
Глава 25. Ад кромешный и тому подобное	314
Глава 26. Безоблачное счастье?	327
Глава 27. Целая вечность	339